

К 110-летию М.М. Бахтина

«Хронотоп Бахтина»: соблазн проникновения

Е.Е. Сапогова

доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой психологии Тульского государственного университета

Выдающийся мыслитель XX в. М.М. Бахтин оставил оригинальную культурно-философскую концепцию, которая во многом предвосхитила современные подходы к анализу сущности человеческого в мире. Им выдвинуто авторское понимание личности, обладающей уникальным невоспроизводимым и неуничтожимым внутренним пространством (внутренним хронотопом, «агностическим ядром самобытности»). Сущность личности может быть понята лишь настолько, насколько она сама готова раскрыться навстречу познающему. Это происходит в знаковой среде культуры при встрече с другими смыслами, в диалогическом общении. Личностный поступок есть активная ответственная причастность к бытию-событию, свершающемуся «через меня и других». Ответственность есть фундаментальная онтологическая черта человека, выражающая его бытийную ориентированность на другого. Ответственность и самозванство – два способа существования человека в бытии. Тексты фиксируют смыслы этого способа бытия и могут быть раскрыты в диалогическом понимании.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, культура, личность, поступок, событие, диалог, текст, контекст, понимание, гуманитарное мышление, творчество, смысл, символ.

Михаил Михайлович Бахтин родился 17 (5) ноября 1895 г. в Орле, в семье банковского служащего. Его детство и юность прошли в Орле, Вильно и Одессе, где он учился в гимназии и Новороссийском (Одесском) университете и с ранних лет погружался в философские трактаты И. Канта. В 1914–1918 гг. М.М. Бахтин жил в Петербурге (Петрограде) и был вольнослушателем университета, здесь он учился у В.В. Розанова, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, А.В. Карташева. Встречи с этими выдающимися мыслителями не могли не повлиять на характер мирозерцания, философствования М.М. Бахтина, не задать ему «направление думания». В 1918–1923 гг. он жил и преподавал в Невеле и Витебске (с 1920 г.), где вокруг него сложился философско-религиозный кружок. В 1919 г. в невельском альманахе «День искусства» появилась первая небольшая публикация М.М. Бахтина – статья «Искусство и ответственность».

Первые его труды, изданные сегодня в серии «Бахтин под маской», как предполагается, были опубликованы под именами близких ему людей – В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева. С 1923 г. в Петрограде М.М. Бахтин работает над начатым в Витебске трактатом «Философия поступка», которому будет суждено увидеть свет лишь в 80-х гг XX в.. В начале 1929 г. появилось первое издание книги «Проблемы творчества Достоевского», впоследствии ставшей одной из знаменитейших книг XX в.

Незадолго до этого, в декабре 1928 г., М.М. Бахтин был арестован по обвинению в принадлежности

к подпольной контрреволюционной организации, пропагандировавшей религиозные и националистические идеи, а в июле 1929 г. приговорен к заключению сроком на пять лет. М.М. Бахтин был тяжело болен, и по спасительному ходатайству А.М. Горького и А.Н. Толстого мера наказания была заменена ссылкой в Кустанай (Северный Казахстан), где он прожил почти семь лет, работая экономистом-бухгалтером в местном Райпотребсоюзе. Но и после ссылки М.М. Бахтину было запрещено жить и работать в крупных городах, тем более в столице. В 1936 г. он стал преподавать в Мордовском педагогическом институте в Саранске. С 1937 г. жил в городке Кимры, работая школьным учителем. Там же из-за обострения болезни в 1938 г. ему ампутировали ногу. С 1945 г. и до своей реабилитации в 1967 г. М.М. Бахтин жил и преподавал в Саранске.

В начале 1946 г. в Москве, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, он защитил диссертацию, посвященную художественному миру Франсуа Рабле. После семи часов обсуждения с перевесом в один голос было принято решение присудить ему не кандидатскую, а докторскую степень, но в ситуации «ждановщины», усиления борьбы с «космополитизмом» и увлечениями фольклором М.М. Бахтин так и остался кандидатом наук [10, с. 11]. Позднее, отказываясь от звания профессора, он говорил: «Я – философ, а философ должен быть никем, ибо иначе он может начать приспосабливать философию к своему социальному положению» [8]. Только в 1969 г. М.М. Бахтин переехал в Москву, где скончался 7 марта 1975 г.

Читая биографический очерк, нельзя не почувствовать глубокий внутренний драматизм жизненного пути М.М. Бахтина. Осознание того факта, что в 33 года, в расцвете жизненных и творческих сил он был лишен публичных выступлений, изданий научных трудов, делает особенно пронзительными его идеи о «нудительности» как специфической безысходности человеческого существования, «вброшенности в бытие», из которой человек взывает к утверждению и удостоверению самого себя. Сегодня исследований, посвященных интерпретации работ М.М. Бахтина, так много и в России, и за рубежом, что его можно с полным правом называть одним из самых читаемых авторов для философов, психологов, филологов, более того, он мыслится одной из ключевых, знаковых фигур русской культуры наряду с Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, Н.А. Бердяевым, П.А. Флоренским, Л.С. Выготским [9, с. 95].

Исследования, в которых развиваются идеи диалогичности, карнавальности, события, поступка, хронотопа, полифонии, разобраны на цитаты, а «бахтиноведение» уже имеет собственную научную историю. Тем не менее *terra bakhtiniana* таит в себе много недосказанного, основные тезисы его работ по-прежнему не поддаются однозначной интерпретации и, несмотря на многочисленные попытки отнести их к одной лишь конкретной сфере гуманитарного знания, с легкостью ложатся в основание и теории языка и текста, и теории познания, и теории литературы, и теории эстетики, и теории коммуникации, и теории личности. М.М. Бахтин не мода, он – *ментальная парадигма* [11], и тот факт, что его не столь уж многочисленное теоретическое наследие по мере нарастания объема исследований создает все более широкое интерпретативно-идентификационное поле, подтверждает эту мысль.

Читая «Проблемы творчества Достоевского», «К философии поступка», «Формы времени и хронотопа в романе», «Творчество Франсуа Рабле...», невольно задаешься вопросом: такой разный и в то же время концептуально единый М.М. Бахтин поддается ли интерпретации и пониманию сам, через самораскрытие в собственных текстах? Возможно ли проникновение в «бахтинский хронотоп», если, по М.М. Бахтину, «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [5, с. 407]?

Для психолога смысловое средоточие бахтинской концепции видится в его понимании личности, обладающей уникальным невоспроизводимым и неуничтожимым внутренним пространством («внутренней социальностью», внутренним хронотопом, «агностическим ядром самобытности», «личной тайной»). Поскольку личность не может манифестировать собой что бы то ни было еще (она есть «чистый смысл», манифестация самой себя), то ее сущность может быть понята лишь настолько, насколько она сама готова раскрыться навстречу познающему. Это происходит в знаковой среде культуры при

встрече с другими смыслами, в общении. Для этого личность становится «знаком самой себя», дробя свою цельность «на множество относительных значений, составляющих семантику личной жизни, увиденной как текст повседневно творимой биографии. Но сама личность в этом отношении транссемантична. Она есть абсолютная человеческая ценность, точка отсчета в той внутренней системе ценностей, которая изнутри «Я» упорядочивает картину внешнего мира» [11, с. 7].

Обнаруживая отблеск, отпечаток личности в «любимых» вещах, семейных реликвиях, художественных произведениях, предметах эстетического любования, в самом универсуме («у мира есть смысл») и соглашаясь с тем, что в определенных обстоятельствах и человек может быть мыслим как вещь, М.М. Бахтин не столько противопоставляет вещное бытие и личностное бытие, сколько говорит об их нетождественной слиянности и нераздельности: «Одни наши акты (познавательные и моральные) стремятся к пределу овеществления, никогда его не достигая, другие акты – к пределу персонификации, до конца его не достигая» [7, с. 370–371].

Убеждение, что свободная, общающаяся со временем личность «принадлежит вечности», сосредоточивает размышления М.М. Бахтина на факте ее «единственной действительной приобщенности к бытию». «Утвердить факт своей единственной незаменимой причастности бытию – значит войти в бытие именно там, где оно не равно себе самому, – войти в событие бытия» [4, с. 43]. Введение понятия событийности сближает идеи М.М. Бахтина с целой системой понятий, существенно изменивших современный взгляд на природу человека – жизни, экзистенции, переживания, *Dasein*, фактичности, становления, историчности.

Существенно, что М.М. Бахтин принципиально не принимает понимание бытия, которому «безразличен центральный для меня факт моей единственной действительной приобщенности к бытию» [4, с. 17], постулируя событийную взаимопринадлежность личности и бытия. Доступ человека к бытию-событию требует не просто безучастных актов сознания, а «действительного причащения, то есть поступка... участно-действенного переживания конкретной единственности» [4, с. 20]. Поступок есть активная причастность к бытию-событию, свершающемуся, структурирующемуся «через меня и других», а следовательно, и «заданность быть ответственным». Ответственность М.М. Бахтин считает фундаментальной онтологической чертой человека, фиксирующей «конкретное, архитектурно-значимое противопоставление Я и другого» [4, с. 66].

Рассматривая воплощение человеческого события в мире через дилемму, можно ли в бытии друг с другом (со-бытии) отвечать за себя, М.М. Бахтин разрабатывает фундаментальную онтологию как этику: описывать бытие-событие так, «как его знает

поступок», – значит показывать его как бытие с другими (со-бытие), т. е. диалогически [13, с. 35], и тогда активная причастность личности бытию-событию оказывается делом ее нравственного отношения к другому. Исходное этическое отношение к другому (другим) раскрывается поступком. Если поступок человека не удостоверяется его ответственностью, то мы имеем дело с самозванством. Ответственность и самозванство (безответственность) понимаются М.М. Бахтиным как равновозможные, хотя вовсе не равнозначные, способы бытия человека с другими.

Повседневная жизнь, понимаемая как нередуцируемый способ человеческого бытия как бытия с другими (ритмизация), рассматривается М.М. Бахтиным через вовлеченность личности в уклад, этнос, государство, человечество и т.д., где человек всюду живет в других и для других. Именно ритмизация с ее модусом «не сам» создает условия для выбора ответственного или самозванного способа бытия с другими. Отсюда существенными характеристиками жизни человека становятся риск, дерзание, и М.М. Бахтин рассуждает о том, что любая жизнь есть постоянное испытание человеком своих собственных возможностей, о которых он часто даже и не подозревает. Собственно, и личностью он становится именно в процессе свершения и переживания этих испытаний, дерзаний, преодолений. Их результат, фиксированный в со-бытии, ложится в основу воспитания, он глубоко внутренне социален.

То, что в конечном итоге создает личность, – само бытие человека М.М. Бахтин связывает с общением. Поскольку события «принципиально не могут развернуться в плане одного и единственного сознания, но предполагают два не сливающихся сознания» [3, с. 157], другой является принципиальным условием становления Я, будучи соучастником или потенциальным свидетелем личностного самоуверения. М.М. Бахтин пишет: «Я осознаю себя и становлюсь самим собой, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого... Само бытие человека (и внешнее, и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться... Быть – значит быть для другого и через него – для себя» [6, с. 186]. Если человек строит себя через возможности, предоставляемые другими, принимая во внимание их «голоса» [12], его душа, его мышление заполнены не только собственными переживаниями и смыслами, но и тем, что в них оказалось благодаря другим. Общение понимается М.М. Бахтиным как самораскрытие: «Овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически» [7, с. 338].

Диалогу М.М. Бахтин придает поистине универсальный характер, считая его всеобщей основой че-

ловеческого взаимопонимания: «Диалогические отношения ... это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение... Где начинается сознание, там ... начинается и диалог» [2 с. 92]. Внутренний микродиалог является составной частью его идеи о диалоге культур; общение с другим через произведение, текст предполагает микродиалог в большом времени культуры, делающий человека свободным и неодиноким во времени.

Диалог выступает как форма «Я-Ты»-отношения, в которой знание не является самоцелью. Более того, если общение строится как чисто познавательный акт, оно превращает субъекта общения в объект познания. Говоря в связи с обсуждением диалогичности о необходимости гуманитаризации науки, центральным ее моментом М.М. Бахтин считает отношение к объекту познания не как к материалу субъективной интеллектуальной активности, но как к ее адресату (собеседнику, субъекту, другому «Я») [7, с. 350].

Человеческий поступок требует знакового выражения, чтобы быть раскрытым для других, и человек проявляет себя в высказывании, которое М.М. Бахтин считает единицей анализа текста. Текст рассматривается как первичная данность гуманитарной науки.

Анализируя созданные или создаваемые человеком тексты (живую звучащую речь, речь, запечатленную на бумаге, и, шире, любую знаковую систему), можно, по М.М. Бахтину, изучать и понимать и личность, и культуру. Любой текст воплощает собой бытие человека, отстраненное от него, опирается на предшествующие и предполагает последующие тексты, создаваемые людьми, имеющими свое миропонимание, – текст всегда внутренне диалогичен. Направленность на другого делает значимым контекст, в пределах которого текст создается и может быть считан. Контекстность, включающая контексты описываемого, автора и интерпретатора, превращает текст в произведение, в котором при понимании не только воссоздается авторский мир, но и создается новый мир. Для этого текст должен иметь внутреннюю логику заложенных в нем смыслов, учитывать языковую и жанровую традиции своей культуры, а также иметь возможность принципиально быть понятым своими контекстами.

В процессе понимания текста совершается диалогическая встреча двух субъектов, каждый из которых погружен в бесконечный культурный контекст. Процесс понимания, по М.М. Бахтину, включает в себя восприятие текста, узнавание и понимание значения в данном языке, узнавание и понимание в контексте данной культуры и активное диалогическое понимание и является основным методом познания. Результатом понимания становится раскрытие смысла бытия личности в контексте культуры и, как возможность, изменение понимающим собственных смыслов.

Создание текстов, которые несут в себе смыслы, есть акт свободного творчества, результат духовной активности человека, его личное послание другим. Упакованный в тексте смысл есть ответ на сущностные запросы личности, поэтому раскрывается он только тому, кто сам ставит вопросы и ищет ответы. Творчество М.М. Бахтин понимает как изменение смысла, как переход к иному значению. Языком смыслов, по М.М. Бахтину, могут быть символы, отсюда его богатейшая идея разработки симвонологии как нового метода гуманитарного познания: «Истолкование символов, или симвонология, как раз и составляет внутри гуманитарных наук элемент гуманитарного в собственном смысле слова, то есть вопрошание о *humanum*, о человеческой сущности, не овеществляемой, но символически реализуемой в вещном» [1, с. 828].

Таким образом, психологический круг в миропонимании М.М. Бахтина описывают следующие понятия: ...культура → личность → событие → поступок → диалог → текст → понимание → гуманитарное мышление → творчество → смысл → символ

Безусловно, краткий юбилейный обзор не может претендовать на сколь-нибудь глубокое проникновение в «миры Бахтина», но даже поверхностная попытка заглянуть в них способна открыть бездну смыслов, которые, говоря словами Ф. Ницше, мгновенно и жадно «начинают вглядываться в тебя». Побудительный потенциал его работ, их «воля к смыслу» уникальны, масштабность видения «человеческих пределов» граничит с откровением, а «причастная внеаходимость» М.М. Бахтина смысловым отголоском звучит во многих современных гуманитарных исследованиях.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1976.
2. *Аверинцев С.С., Давыдов Ю.Н., Турбин В.Н. и др.* М.М. Бахтин как философ. М., 1992.
3. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Работы 1920-х гг. Киев, 1997.
4. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х гг. Киев, 1997.
5. *Бахтин М.М.* Очерки времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической риторике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
6. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
7. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
8. *Библер В. С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.
9. *Махлин В.Л.* Бахтин и Запад. (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. 1993. №1–2.
10. *Махлин В.Л.* Михаил Бахтин: Философия поступка. М., 1990.
11. *Тюна В.И.* Бахтин как парадигма мышления // Дискурс. 1996. № 1.
12. *Шоттер Дж.* М. М. Бахтин и Л. С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // Вопросы психологии. 1996. № 6.
13. *Щитцова Т.В.* Событие в философии Бахтина. Минск, 2002.

On the occasion of the 110th anniversary of M.M. Bakhtin **“Bakhtin's Chronotope”: the temptation of insight**

Ye.Ye. Sapogova

Ph.D. in Psychology,

Professor, Head of the Psychology Department of the Tula State University

Being a great thinker of the 20th century, M.M. Bakhtin developed a highly original cultural-philosophical conception that had in many ways forestalled modern approaches to analyzing human existence in the world. He had put forward a new understanding of personality with unique, irreproducible and non-exterminable inner space (inner chronotope, "agnostic nucleus of originality"). The essence of personality can only be perceived so far forth as it is willing to reveal itself to the one apperceiving it. This happens in the sign context of culture when in dialogical communication partners face other meanings. A personal act is considered to be active responsible involvement in existence-"co-existence" (event) realized "through myself and others". Responsibility is a fundamental ontological characteristic of man that reveals his existential orientation on others. Being responsible or being an impostor – these are the two ways of human existence. The meanings of the two ways are preserved in texts and can be unfolded in dialogical comprehension.

Keywords: M.M. Bakhtin, culture, personality, act, event, dialogue, text, context, comprehension, humanistic thought, creation, meaning, symbol.

References

1. *Averincev S.S.* Simvol // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya*. T. 6. M., 1976.
2. *Averincev S.S., Davydov Yu.N., Turbin V.N. i dr.* M.M. Bahtin kak filosof. M., 1992.
3. *Bahtin M.M.* Avtor i geroi v esteticheskoi deyatelnosti // *Bahtin M.M. Raboty 1920-h gg.* Kiev, 1997.
4. *Bahtin M.M.* K filosofii postupka // *Bahtin M.M. Raboty 1920-h gg.* Kiev, 1997.
5. *Bahtin M.M.* Ocherki vremeni i hronotopa v romane: Ocherki po istoricheskoi ritorike // *Bahtin M.M. Voprosy literatury i estetiki*. M., 1975.
6. *Bahtin M.M.* Problemy tvorчества Dostoevskogo. Kiev, 1994.
7. *Bahtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorчества. M., 1979.
8. *Bibler V. S.* Mihail Mihailovich Bahtin, ili Poetika kultury. M., 1991.
9. *Mahlin V.L.* Bahtin i Zapad. (Opyt obzornoj orientacii) // *Voprosy filosofii*. 1993. №1–2.
10. *Mahlin V.L.* Mihail Bahtin: Filosofiya postupka. M., 1990.
11. *Tyupa V.I.* Bahtin kak paradigma myshleniya // *Diskurs*. 1996. № 1.
12. *Shotter Dzh.* M. M. Bahtin i L. S. Vygotskii: interiorizaciya kak "fenomen granicy" // *Voprosy psihologii*. 1996. № 6.
13. *Shitcova T.V.* Sobytie v filosofii Bahtina. Minsk, 2002.